M. Sukennikoff,
Kongress russischer Studenten.

Iый КОНГРЕССЪ

русскихъ студентовъ и студентокъ,
учащихся заграницей.

М. СУКЕННИКОВА.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Іоанна Рэде.
1902.

Verlag Johannes Räde in Berlin W. 15.

М. СУКЕННИКОВЪ.

ПЕРВЫЙ КОНГРЕССЪ

РУССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ И СТУДЕНТОКЪ,
УЧАЩИХСЯ ЗАГРАНИЦЕЙ.

15098

БЕРЛИНЪ,
ИЗДАНІЕ ІОАННА РЭДЕ.
1902.

Library
of the
University of Toronto

1.

Это значило бы, конечно, сносить колонны въ Аѳины, и безъ того чрезвычайно богатыя ими, если бы я началъ разсказывать на этихъ страницахъ, какія причины и условія гонятъ столь значительное количество русской молодежи заграницу, въ заграничные университеты, политехникумы и средніе техническіе институты. Все это извѣстно и къ тому же слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы я долженъ былъ на этомъ останавливаться. Я займусь поэтому съ самаго начала вопросомъ о положеніи русскихъ студентовъ и студентокъ въ заграничныхъ университетскихъ городахъ. Въ общемъ, при всемъ внѣшнемъ блескѣ западно-европейской культуры, при всей политической, умственной и духовной свободѣ, гарантированной конституціями, положеніе русскаго студенчества (я употребляю это выраженіе, чтобы не повторять на дальнѣйшихъ страницахъ большое количество разъ слова: русскіе студенты и студентки) почти всюду заграницей равносильно той аллегорической рогожѣ, о которую развѣ что лѣнивый не обтираетъ своихъ ногъ. Первый примѣръ ограниченій и стѣсненій по отношенію къ русскому студенчеству подала республиканская и свободная Франція. Талантливый, хотя и не стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ фельетонистъ Александръ Амфитеатровъ недавно очень мѣтко развивалъ ту мысль, что въ лицѣ

Франціи русскіе нашли себѣ политическаго друга, но потеряли великаго учителя. И въ самомъ дѣлѣ, не Франція ли своей великой революціей перевоспитала все европейское общество, въ томъ числѣ и русское? Не изъ Франціи ли доходили до насъ всѣ новыя и свѣжія идеи и теченія, будившія хоть сколько нибудь нашу мысль, вносившія хоть какое-нибудь оживленіе въ нашъ умственный и общественный застой? Не на Францію ли мы глядѣли, какъ на республиканскій идеалъ, къ которому мы стремимся и который желаемъ осуществить? Увы, со времени пресловутаго альянса Франція перестала быть для насъ учителемъ и воспитателемъ. Мы не узнаемъ великой Франціи, политическіе дѣятели которой служатъ на заднихъ лапкахъ передъ Россіей, которая братается съ русскимъ царизмомъ и уже не находитъ ничего позорнаго въ деспотизмѣ и произволѣ, господствующихъ у насъ. Марсельеза, эта великая пѣснь, созданная великой революціей, будившая въ насъ свѣтлыя надежды и воодушевлявшая насъ на борьбу, потеряла теперь для насъ все свое обаяніе, послѣ того какъ публичное исполненіе ея милостиво разрѣшено было въ Россіи, послѣ того какъ она стала модой въ средѣ русской буржуазіи и даже осквернена тѣмъ, что покойный Александръ III изъ политическихъ резоновъ снялъ съ головы фуражку при исполненіи Марсельезы. Французская республика потеряла для насъ все свое великое обаяніе, послѣ того какъ она уже два раза такъ пышно и торжественно принимала и чествовала русскаго царя,

словно необыкновенно великаго тріумфатора. Французскіе соціалисты, наконецъ, потеряли въ нашихъ глазахъ весь свой авторитетъ учителей и наставниковъ, послѣ того какъ соціалистъ-министръ принималъ активное участіе въ пріемѣ и чествованіи царя, послѣ того какъ лишь немногіе французскіе соціалисты сочли нужнымъ и возможнымъ протестовать противъ братанія республиканской Франціи съ русскимъ царизмомъ и деспотизмомъ въ Парижѣ, Реймсѣ и Компьенѣ.

И вотъ, если присмотрѣться, какъ въ современной Франціи спѣшатъ исполнить все, чего желаютъ въ Петербургѣ, какъ тамъ считаются съ малѣйшими капризами русскаго правительства и въ чрезмѣрномъ усердіи стараются забѣжать впередъ, угодить и предугадать, чѣмъ можно было бы угодить русскому царю и русскому правительству, то поневолѣ кажется, что всѣ тѣ ограниченія, которыя сдѣланы были во Франціи въ девятидесятыхъ годахъ по отношенію къ русскому студенчеству, являются ничѣмъ инымъ, какъ все тѣмъ же желаніемъ угодить русскому правительству. И если бы даже причина была не такова, но крылась, какъ она кроется въ Германіи, въ нежеланіи имѣть въ лицѣ русскихъ лишнихъ конкуррентовъ, то и въ этомъ случаѣ всѣ имѣвшія мѣсто ограниченія недурно свидѣтельствуютъ объ истинныхъ основахъ франко-русскаго союза и объ искренности восторговъ и воодушевленія французовъ по адресу русскихъ.

Въ настоящее время на очереди дня ограниченія и

стѣсненія русскаго студенчества въ Германіи, ограниченія, принявшія даже, можно сказать, какой-то стихійный характеръ. Возьмемъ самые послѣдніе факты. Въ Гейдельбергѣ, гдѣ всегда было сравнительно такъ мало русскихъ, нѣмецкіе студенты протестовали противъ иностранцевъ, вывѣшивали памфлеты на дверяхъ аудиторій и обратились куда слѣдуетъ съ петиціей объ ограниченіи пріема иностранцевъ. Въ Лейпцигѣ университетскій сенатъ постановилъ не принимать отнынѣ русскихъ студентокъ ни подъ какимъ условіемъ, не сочтя, однако, необходимымъ хоть чѣмъ либо мотивировать свое постановленіе. Въ Галле университетскій сенатъ оказался толерантнѣе сената лейпцигскаго университета въ томъ отношеніи, что, постановивъ не принимать русскихъ студентокъ, представляющихъ свидѣтельства объ окончаніи женской гимназіи, мотивировалъ хотя и совершенно неправильно это ограниченіе тѣмъ, будто русскія женскія гимназіи стоятъ по программѣ ниже т. н. Höhere Töchterschule. Въ Фрейбургѣ студенты мѣстной горной академіи обратились къ сенату ея съ просьбой объ ограниченіи пріема иностранцевъ, въ особенности изъ Россіи и Австро-Венгріи. Студенты мотивировали свое ходатайство желаніемъ сохранить за горной академіей исключительно нѣмецкій характеръ. Ограниченія и протесты, подобные приведеннымъ, имѣли мѣсто еще и въ цѣломъ рядѣ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Германіи.

Впереди всѣхъ другихъ университетскихъ нѣмецкихъ

городовъ шелъ и идетъ наиболѣе крупный политическій, умственный и культурный центръ Берлинъ. Здѣсь, въ Берлинѣ, мы слышали изъ устъ депутатовъ прусскаго ландтага жалобы на то, что иностранцы являются учиться въ Германію, чтобы затѣмъ примѣнять пріобрѣтенныя ими знанія у себя на родинѣ, создавая, такимъ образомъ, конкурренцію нѣмецкой техникѣ и нѣмецкой индустріи. Здѣсь, въ Берлинѣ, мы сначала слышали на торжественномъ публичномъ засѣданіи, а затѣмъ читали и въ опубликованной брошюрѣ возмутительныя своей несправедливостью слова, сказанныя и написанныя о русскихъ студентахъ тогдашнимъ ректоромъ политехникума Ридлеромъ, наиболѣе вліятельнымъ и всесильнымъ изъ профессоровъ названнаго политехникума. Здѣсь, въ Берлинѣ, мы были свидѣтелями того, что послѣ извѣстнаго инцидента въ аудиторіи проф. Шимана администрація берлинскаго университета угрожала строгими мѣропріятіями всѣмъ русско-подданнымъ студентамъ. Здѣсь же, въ Берлинѣ, мы были свидѣтелями студенческаго собранія, созваннаго Ферейномъ нѣмецкихъ студентовъ и принявшаго возмутительную резолюцію, въ которой подъ словомъ иностранцы нужно понимать русскіе и только русскіе.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на ограниченіяхъ, введенныхъ для русскихъ студентовъ и студентокъ въ берлинскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ прежніе годы въ берлинскій университетъ русскихъ молодыхъ людей зачисляли полноправными студентами безъ

предъявленія къ нимъ тѣхъ требованій относительно полученнаго средняго образованія, которыя предъявлялись и предбявляются къ студентамъ-нѣмцамъ. Когда-то, какъ это и теперь еще имѣетъ мѣсто въ двухъ-трехъ небольшихъ и невидныхъ нѣмецкихъ университетахъ, въ берлинскій университетъ могли поступать студентами молодые русскіе люди, даже не имѣвшіе рѣшительно никакихъ свидѣтельствъ о предварительномъ образованіи. Принимая на основаніи одного лишь заграничнаго паспорта русскихъ молодыхъ людей студентами берлинскаго университета, его администрація, вѣроятно, исходила изъ той точки зрѣнія, что русскіе, какъ иностранцы, не имѣютъ, вѣдь, права сдавать государственные экзамены и примѣнять на практикѣ свои юридическія или медицинскія познанія въ границахъ Германіи. Если же они желаютъ учиться и развиваться, то почему не предоставить имъ этой возможности, благо университетскія аудиторіи достаточно велики? Подобная доступность университетской науки въ Берлинѣ была, конечно, очень удобна для тѣхъ русскихъ малодыхъ людей, которые получили тѣмъ или инымъ путемъ достаточную подготовку, но по какой либо причинѣ не могли запастись оффиціальной бумагой, свидѣтельствующей о имѣющихся у нихъ знаніяхъ. Съ другой стороны, однако, въ университетъ попадали и лица, совершенно не подготовленныя къ воспріятію университетскихъ лекцій, какъ это еще имѣетъ мѣсто кое-гдѣ въ нѣмецкой провинціи и отчасти въ Швейцаріи. Позже, лѣтъ шесть-семь

назадъ, русскихъ молодыхъ людей стали принимать въ берлинскій университетъ съ нѣкоторымъ подборомъ. Отъ нихъ стали требовать свидѣтельства, равносильнаго тѣмъ нѣмецкимъ аттестатамъ, которые даютъ право поступленія въ армію вольноопредѣляющимися. А такъ какъ у насъ, въ Россіи, какъ извѣстно, право поступленія вольноопредѣляющимися по первому разряду дано тѣмъ, кто прошелъ курсъ шести классовъ гимназіи или реальнаго училища, то съ шестиклассным свидѣтельствомъ русскіе молодые люди могли имматрикулироваться въ берлинскомъ университетѣ вполнѣ безпрепятственно. Лица же, подобнымъ свидѣтельствомъ не обладающія, допускались къ имматрикуляціи только послѣ испытанія, — правда, весьма поверхностнаго, — у университетскихъ профессоровъ или гимназическихъ ректоровъ. Бывали случаи, и не разъ, что рекомендація, выданная русскому молодому человѣку однимъ изъ университетскихъ профессоровъ въ томъ смыслѣ, что тотъ вполнѣ подготовленъ для воспріятія университетскихъ лекцій, считалась достаточной для допущенія даннаго лица къ имматрикуляціи. Допущеніе же къ имматрикуляціи, а не только лишь къ посѣщенію лекцій въ качествѣ вольнослушателя, очень важно, такъ какъ въ берлинскомъ университетѣ одни имматрикуляированные студенты пользуются правомъ слушанія какихъ угодно лекцій въ теченіе ничѣмъ не ограниченнаго количества лѣтъ. Въ послѣдніе же два года къ русскимъ молодымъ людямъ, желающимъ быть зачисленными въ качествѣ студентовъ

берлинскаго университета, предъявляются еще болѣе ограничительныя требованія, какъ, напримѣръ, свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса средняго учебнаго заведенія, причемъ ради полнаго уравненія въ правахъ русскихъ студентовъ съ нѣмецкими, ограниченъ былъ доступъ къ изученію медицинскихъ наукъ для тѣхъ русскихъ молодыхъ людей, которые окончили курсъ реальнаго училища. Года два назадъ администрація берлинскаго университета распорядилась также о недопущеніи къ окончательнымъ испытаніямъ тѣхъ русскихъ студентовъ, которые приняты были въ университетъ безъ аттестата зрѣлости, но группа русскихъ студентовъ, которая какъ разъ тогда готовилась къ испытаніямъ на степень доктора, выхлопотала у министра, чтобы указанная мѣра не примѣнялась ко всѣмъ тѣмъ русскимъ студентамъ, которые допущены были къ имматрикуляціи на прежнихъ основаніяхъ. Такимъ образомъ, повторимъ въ заключеніе, доступъ русскимъ, не имѣющимъ аттестата зрѣлости, въ берлинскій университетъ почти что невозможенъ. Логически вытекаетъ отсюда, что принятые на основаніи аттестата зрѣлости и прошедшіе полный университетскій курсъ русскіе молодые люди должны были-бы быть, кромѣ докторскаго, допущены также къ государственному экзамену, дающему право медицинской или юридической практики, но при господствующихъ здѣсь ограничительныхъ, по отношенію къ русскимъ, тенденціяхъ, на выполненіе этого нѣтъ пока рѣшительно никакой надежды.

Ограниченія введены также для русскихъ дѣвушекъ, желающихъ поступить вольнослушательницами въ берлинскій университетъ. Къ имматрикуляціи женщины въ берлинскомъ университетѣ еще не допускаются, и поэтому имъ, при зачисленіи вольнослушательницами, дѣлаются значительныя снисхожденія по части полученнаго ими предварительнаго образованія. Года четыре назадъ, когда благодаря симпатичному отношенію ректора, профессора Шмоллера, вольнослушательницы перестали быть въ берлинскомъ университетѣ явленіемъ случайнымъ, выработанъ былъ слѣдующій модусъ пріема ихъ. Нѣмокъ принимали на основаніи свидѣтельства о сдачѣ экзамена на званіе народной учительницы; тѣ, которыя представляли полученные ими, послѣ испытаній при мужской гимназіи, аттестаты зрѣлости, конечно, были избавлены отъ необходимости доставлять какія-либо иныя свидѣтельства. Бывали часто случаи пріема вольнослушательницъ и на основаніи свидѣтельства объ окончаніи т. н. Höhere Mädchenschule, курсъ которой не особенно обширенъ, но нынѣшній прусскій министръ народнаго просвѣщенія, д-ръ Конрадъ Штудтъ, недавно сообщилъ подвѣдомственнымъ университетамъ, что онъ эту степень предварительнаго образованія не считаетъ совмѣстимой съ высокимъ уровнемъ университетской науки. Отъ русскихъ вольнослушательницъ раньше требовали свидѣтельства о прохожденіи курса восьмиклассной женской гимназіи, причемъ главное вниманіе обращалось на присутствіе въ свидѣтельствѣ нѣсколькихъ словъ о

числящемся за предъявительницей правѣ на званіе домашней учительницы. При ректорѣ Шмоллерѣ и его преемникѣ проф. Вальдейерѣ, приняты были нѣкоторыя русскія дѣвушки и на основаніи аттестатовъ объ окончаніи ими семи классовъ женской гимназіи. Не обошлось при этомъ безъ недоразумѣнія. Университетскій секретарь, на обязанности котораго лежитъ просмотръ предъявленныхъ вольнослушательницами бумагъ, привыкъ къ одному типу восьмиклассныхъ свидѣтельствъ и былъ весьма удивленъ, когда ему стали предъявлять аттестаты объ окончаніи семи классовъ женской гимназіи. Не находя въ этихъ аттестатахъ указанныхъ нѣсколькихъ словъ относительно права на званіе домашней учительницы, университетскій секретарь мотивировалъ каждый разъ этимъ свой отказъ просительницѣ, предъявившей аттестатъ. Когда же ему доказано было, что находящаяся въ концѣ подобныхъ аттестатовъ ссылка на законъ 24 мая (8 іюня) 1870 года даетъ предъявительницамъ аттестата нѣкоторыя права и преимущества, секретарь отвѣтилъ требованіемъ оффиціальныхъ доказательствъ. Отдѣльныя слушательницы, помнится, метались точно какъ угорѣлыя, и, какъ это ни курьезно, искомыхъ законоположеній не оказалось ни въ мѣстномъ консульствѣ, ни къ канцеляріи посольства. Писали въ канцелярію посланника въ Мюнхенъ, телеграфировали въ Петербургъ и т. д., пока, наконецъ, кому-то удалось раздобыть искомые параграфы и представить ихъ въ переводѣ присяжнаго переводчика университетскому секретарю.

Послѣ этого, всѣ русскія дѣвушки, предъявившія тогда аттестаты семиклассной женской гимназіи, были зачислены вольнослушательницами, но это же недоразумѣніе заставило университетскую администрацію пересмотрѣть правила о пріемѣ русскихъ вольнослушательницъ. Обратились куда-то или къ кому-то за разъясненіемъ, при наличности какихъ условій принимаются слушательницы въ женскій медицинскій институтъ въ Петербургѣ, и, по какому-то недоразумѣнію, въ полученномъ отвѣтѣ были указаны не настоящія правила пріема въ женскій медицинскій институтъ, а тѣ формы, въ какія вылились на практикѣ эти правила, благодаря огромному количеству кандидатокъ на сравнительно незначительное число вакансій. И вотъ, на основаніи этой справки, администрація берлинскаго университета зачислятъ съ весны вольнослушательницами только тѣхъ русскихъ дѣвушекъ, которыя окончили курсъ женской гимназіи съ золотой медалью. Несправедливость этого ограниченія становится болѣе яркой, если вспомнить, что во первыхъ ограниченіе введено было еще тогда, когдо принимали также нѣмокъ, окончившихъ вышеназванную Höhere Mädchenschule, курсъ которой значительно ниже курса нашей женской гимназіи, и что во-вторыхъ, дѣвушка, окончившая у насъ женскую гимназію, можетъ смѣло помѣряться развитіемъ и знаніями съ нѣмкой, сдавшей экзаменъ на званіе народной учительницы и на этомъ основаніи зачисляемой безпрепятственно вольнослушательницей берлинскаго университета. Кстати отмѣтимъ,

что вольнослушательницамъ приходится въ названномъ университетѣ возобновлять формально хлопоты о зачисленіи каждый семестръ, — причемъ, конечно, вольнослушательницы, уже зачисленныя семестромъ раньше, должны только представить ректорское разрѣшеніе прошлаго семестра для обмѣна на новое. Поэтому одно время русскимъ вольнослушательницамъ грозила опасность, что ректорскія разрѣшенія не будутъ имъ обмѣнены на новыя на основаніи указаннаго постановленія о зачисленіи вольнослушательницами лишь тѣхъ русскихъ дѣвушекъ, которыя окончили гимназію съ золотой медалью. Къ чести русскихъ вольнослушательницъ могу прибавить, что онѣ тогда съумѣли дружно организоваться и добились у университетской администраціи, чтобы новое правило не было распространено на вольнослушательницъ, зачисленныхъ на прежнихъ основаніяхъ. Добавлю въ заключеніе, что русскія вольнослушательницы, снова организовавшись въ той или иной формѣ, могли бы умѣлымъ и тактичнымъ протестомъ добиться, чтобы прекратилось грубое и пренебрежительное обращеніе съ ними университетскаго секретаря, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло каждый семестръ.

Наконецъ, ограниченія введены также и для тѣхъ русскихъ молодыхъ людей, которые желаютъ поступить студентами въ берлинскій (шарлоттенбургскій) политехникумъ. Прежде въ названный политехникумъ принимали безъ всякихъ препятствій тѣхъ русскихъ, которые окончили полный курсъ классической гимназіи или

реальнаго училища, и, несмотря на это довольно серьезное требованіе, число русскихъ студентовъ въ берлинскомъ политехникумѣ всегда было сравнительно значительнымъ. Это обстоятельство давно уже возбуждало большое неудовольствіе какъ у администраціи политехникума, такъ и среди многочисленныхъ студентовъ нѣмцевъ. Отъ разговоровъ и платоническихъ протестовъ перешли, въ концѣ-концовъ, къ дѣлу, и года три назадъ администраціей политехникума объявлено было, что, вслѣдствіе переполненія аудиторій и чертежныхъ, иностранцы будутъ отнынѣ приниматься въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ. При этомъ подъ словомъ „иностранцы“ надо было понимать: „русскіе“, такъ какъ другія націи давали ничтожный процентъ студентовъ берлинскаго политехникума. Впрочемъ, администрація его довольно быстро спохватилась, не зашла-ли она слишкомъ далеко, и оповѣстила, что благодаря приспособленію подъ аудиторіи и чертежныя нѣкоторыхъ залъ, предназначенныхъ раньше для другихъ цѣлей, явилась возможность снова принимать иностранцевъ на прежнихъ основаніяхъ, съ тѣмъ только лишь ограниченіемъ, что на машинномъ отдѣленіи иностранцы могутъ разсчитывать на полученіе въ чертежныхъ постояннаго и опредѣленнаго мѣста лишь послѣ того, какъ всѣ желанія студентовъ-нѣмцевъ, относительно распредѣленія мѣстъ, будутъ удовлетворены. Это зло было бы для русскихъ студентовъ еще не столь большой руки, такъ какъ, несмотря на всѣ сѣтованія, аудиторіи и чертежныя

берлинскаго политехникума достаточно обширны, но втихомолку администрація политехникума все-таки ввела для русскихъ студентовъ значительное ограниченіе. А именно, студентами политехникума зачисляются теперь только тѣ русскіе молодые люди, которые по окончаніи курса средняго учебнаго заведенія успѣшно сдали въ Россіи такъ называемые конкурсные экзамены или же были уже студентами въ одномъ изъ русскихъ технологическихъ институтовъ, но по той или другой причинѣ вынуждены были прервать тамъ изученіе техническихъ наукъ. Принимая во вниманіе это практиковавшееся года два существенное ограниченіе являлось совершенно непонятнымъ оповѣщеніе, сдѣланное прошлой осенью администраціей политехникума о томъ, что съ ближайшаго семестра на всѣхъ отдѣленіяхъ политехникума, какъ до сихъ поръ на машинномъ, иностранцы будутъ получать опредѣленныя мѣста лишь послѣ того, какъ всѣ студенты нѣмецкой національности будутъ вполнѣ удовлетворены. Но мало еще всего этого, тогда же, прошлой осенью, прусскій министръ народнаго просвѣщенія распорядился, чтобы въ берлинскій политехникумъ отнынѣ принимались студентами только лишь тѣ русскіе подданные, которые уже окончили на своей родинѣ высшее техническое учебное заведеніе или были уже студентами одного изъ русскихъ технологическихъ институтовъ, и только именно одного изъ этихъ институтовъ, а не университета или какого либо другого высшаго учебнаго заведенія въ Россіи. Подобное суровое ограниченіе равно

по существу почти полному исключенію русской молодежи изъ берлинскаго политехникума, и не лишена поэтому интереса та мотивировка, которую мнѣ пришлось слышать, какъ исходящую изъ круговъ администраціи и профессоровъ политехникума. Раньше всего въ этихъ кругахъ ссылаются, конечно, на чрезмѣрное переполненіе политехникума. Когда нынѣшнее зданіе сравнительно еще недавно было построено, оно было разсчитано на 2000 слушателей. Съ теченіемъ времени количество студентовъ прогрессивно увеличивалось и достигло даже 4500. Вслѣдствіе этого аудиторіи, чертежные и вспомогательные залы биткомъ набиты, а у нѣкоторыхъ лекторовъ на машинно-строительномъ отдѣленіи такъ много слушателей, что студентамъ приходится записываться у нихъ за годъ впередъ. Правда, теперь заканчивается постройка новаго вспомогательнаго зданія вблизи политехникума, но оно разсчитано опять таки не больше какъ на 1500 чел. Въ результатѣ остается излишекъ въ 1000 слушателей и въ интересахъ нѣмецкихъ студентовъ администрація политехникума сочла нужнымъ принять мѣры въ ограниченію наплыва студентовъ и вольнослушателей. Коснулось же оно, главнымъ образомъ, только русскихъ потому, что американцы, англичане или южные славяне насчитывались въ политехникумѣ всегда десятками, въ то время какъ русскихъ студентовъ въ политехникумѣ всегда бывало въ прежніе годы нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ стали косо глядѣть на послѣднее

обстоятельство по той причинѣ, что вѣдь каждый студентъ обходится государству въ довольно крупную сравнительно сумму. Если государство приноситъ для безостановочнаго пополненія своихъ техническихъ силъ крупнѣйшія жертвы, то съ какой же стати государству тратить огромныя суммы на обученіе ежегодно нѣсколькихъ сотъ русскихъ студентовъ? Прежде всего это въ ущербъ интересамъ слушателей нѣмцевъ, и затѣмъ Россія для нѣмецкой молодежи не дѣлаетъ ничего, что могло бы быть сочтено эквивалентомъ жертвамъ, приносимымъ Пруссіей для русской учащейся молодежи. Прежде многіе молодые и даже болѣе опытные нѣмецкіе инженеры и техники находили себѣ трудъ и занятіе въ Россіи, а теперь, съ тѣхъ поръ какъ въ Германіи стали воспитываться цѣлыя поколѣнія молодыхъ русскихъ технологовъ, химиковъ, электротехниковъ и т. д., нѣмцамъ нечего и думать о томъ, чтобы получить мѣсто гдѣ нибудь въ русскомъ промышленномъ или индустріальномъ предпріятіи. Но мало того, что русскіе учатся въ Германіи, знакомятся со всѣми успѣхами нѣмецкой техники и, отправляясь затѣмъ въ Россію, дѣлаютъ нѣмцамъ же, своимъ учителямъ, конкурренцію въ области техник и иіндустріи, — русскіе стали успѣшно конкуррировать съ инженерами даже въ Берлинѣ, и именно въ области электричества . . .

Такъ въ общихъ чертахъ мотивируютъ въ названныхъ профессорскихъ кругахъ политехникума ограниченія по отношенію къ русскимъ студентамъ, и въ высшей степени любопытно и характерно, что теперь, когда

русскіе студенты въ политехникумѣ насчитываются чуть ли не единицами (когда студенты, поступившіе раньше, окончатъ курсъ, русскіе въ политехникумѣ ужъ навѣрно будутъ насчитываться однѣми единицами) въ административныхъ сферахъ его какъ будто повѣяло инымъ духомъ. Такъ, напримѣръ, всесильный проф. Ридлеръ настаиваетъ, чтобы въ число двухъ новыхъ языковъ, необходимыхъ при извѣстныхъ экзаменахъ, могъ быть включенъ для русскихъ студентовъ ихъ родной языкъ. Чѣмъ объяснить подобную толерантность? Тѣмъ, что проф. Ридлеръ беретъ теперь и самъ уроки русскаго языка? Тѣмъ, что ему, какъ говорятъ, порученъ изъ Россіи многомилліонный заказъ? Будемъ надѣяться, что сближеніе это съ Россіей и русскими и знакомство съ русскимъ языкомъ побудитъ проф. Ридлера взять обратно свой рѣзкій и невѣрный отзывъ о русскихъ студентахъ и исправить всѣ тѣ несправедливыя ограниченія, которыя были введены въ берлинскомъ политехникумѣ благодаря его же вліянію и хлопотамъ.

2.

Кромѣ ограниченій и стѣсненій чисто академическаго характера, положеніе русскихъ студентовъ и студентокъ въ томъ же Берлинѣ во многихъ отношеніяхъ безпомощное и безправное. Возьмемъ хотя бы полицейскій надзоръ, заставляющій подчасъ склоняться даже къ тому мнѣнію, что въ Берлинѣ администрація надзираетъ за

русскими студентами и студентками еще тщательнѣе и строже, нежели въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Я не говорю, конечно, о томъ, что о каждом студенческомъ собраніи должно быть заранѣе заявлено въ полицію, что на студенческихъ собраніяхъ прусутствуетъ иногда полицейскій и т. п., — все это вѣдь предписано закономъ, которому въ равной мѣрѣ должны подчиняться и нѣмцы. Я не говорю и о томъ, что всякій русскій студентъ, пріѣхавшій въ Берлинъ въ первый разъ, долженъ лично явиться въ полицію, гдѣ съ его словъ записывается длинный рядъ свѣдѣній о немъ, его родныхъ, мѣстѣ его жительства и т. д., — этому вѣдь подвергаются въ Берлинѣ всѣ иностранцы безъ исключенія. Я не хочу наконецъ (хотя у меня накопился по этому вопросу богатый фактическій матеріалъ) останавливаться подробно и на пресловутыхъ видахъ на право жительства, — такъ какъ эта безцѣльная и оскорбительная формальность въ настоящее время отмѣнена. Говорю же я о томъ, что за студентами и вольнослушательницами ни одной другой національности не существуетъ подобнаго гласнаго и негласнаго надзора, какъ за русскимъ студенчествомъ. Полицейскіе, которыхъ по внѣшнему виду не отличишь ничѣмъ отъ мирныхъ и скромныхъ бюргеровъ, идущихъ каждый по своему дѣлу, шныряютъ безостановочно по тѣмъ кварталамъ, гдѣ живетъ большинство русскихъ студентовъ. Подъ всякимъ благовиднымъ и сколько нибудь удобнымъ предлогомъ они весьма охотно являются на квартиру, чтобы

взглянуть какъ живетъ тотъ или иной изъ русскихъ студентовъ, кой о чемъ разспросить его самого, а кстати и потолковать объ его образѣ жизни съ квартирной хозяйкой или съ сосѣдями. Для большей правильности и систематичности надзора въ главномъ полицейскомъ управленіи Берлина существуетъ особое отдѣленіе, вѣдающее исключительно дѣла русскихъ студентовъ. Это, очевидно, не секретъ, если мнѣ разсказалъ объ этомъ одинъ полицейскій коммиссаръ во время моего конфликта съ берлинской полиціей, происшедшаго правда на почвѣ не студенческой, но журнальной. Тогда же мнѣ привелось узнать, что въ названномъ отдѣленіи знаютъ превосходно чуть ли не всю подноготную каждаго русскаго студента, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которые хоть чѣмъ либо выдаются изъ общей толпы. Тамъ знаютъ, на какихъ народныхъ собраніяхъ бываетъ тотъ или другой студентъ, кого онъ посѣщаетъ и кто у него бываетъ, много ли у него имѣется друзей, былъ ли онъ на кладбищѣ павшихъ въ мартѣ, читаетъ ли онъ усердно Vorwärts, покупаетъ ли нелегальную литературу и т. д. Томъ знаютъ, напр. что А. былъ въ свое время въ судѣ на процессѣ анархиста Кошемана, что В., какъ только она пріѣхала, въ тотъ же день уже была на народномъ собраніи, гдѣ говорилъ Зингеръ, что С. имѣетъ привычку ходить по улицамъ вдоль стѣнъ домовъ, что у Д. собирается всегда много студентовъ и т. д. Для большаго удобства въ дѣлѣ негласнаго надзора нѣкоторые берлинскіе полицейскіе знаютъ русскій

языкъ, причемъ успѣхами своими въ таковомъ они обязаны, главнымъ образомъ, покойному уже учителю и присяжному переводчику Нату. Знаніе русскаго языка даетъ полицейскимъ въ цивильной формѣ тѣмъ большую возможность негласнаго надзора, что наши русскіе студенты и студентки (въ сущности ни дѣломъ, ни словомъ ни въ какіе конфликты съ законами Германской имперіи никогда не вступающіе), всегда очень громко разговариваютъ другъ съ другомъ, будь то въ аудиторіи, въ купэ городской желѣзной дороги или на народномъ собраніи. Отчасти это привычка, отчасти — руководство соображеніемъ, что нѣмцы все равно ничего не поймутъ, и какъ на этой почвѣ имѣли мѣсто десятки комическихъ недоразумѣній, такъ и пишущему эти строки, пару лѣтъ не бывавшему на студенческихъ собраніяхъ или въ читальнѣ, а потому не знакомому студентамъ — новичкамъ, приходилось слышать въ купэ желѣзной дороги по своему адресу, что этотъ нѣмецъ молъ ничего не понимаетъ. Знаніе русскаго языка даетъ опять таки полицейскимъ возможность бывать незамѣченными на собраніяхъ русскихъ студентовъ. Законъ даетъ полицейскимъ чинамъ право пристутствія во формѣ на всякихъ собраніяхъ а равно и право при извѣстныхъ условіяхъ закрывать и распускать эти собранія. Вполнѣ излишнимъ поэтому, но характернымъ является слѣдующій фактъ. На одномъ изъ невиннѣйшихъ рефератовъ, читанномъ въ студенческомъ научно-литературномъ ферейнѣ, присутствовали двое полицейскихъ, но не въ залѣ, а притаившись

за раскрытымъ окномъ ресторана. Двое же ихъ было потому, что тотъ, кому порученъ контроль, не понимаетъ по русски, и стоявшій рядомъ съ нимъ коллега переводилъ ему тутъ же содержаніе реферата по нѣмецки. Казалось бы, всѣ эти полицейскіе чины могли бы уже съ достовѣрностью убѣдиться, что образъ жизни и дѣятельность (хотя о дѣятельности въ полномъ смыслѣ этого слова нѣтъ въ данномъ случаѣ и рѣчи) русскихъ студентовъ въ Берлинѣ не выходитъ изъ границъ законнаго, но наоборотъ приходится констатировать, что надзоръ и контроль стали еще и сильнѣе и строже. Здѣсь какъ будто бы не могутъ простить себѣ, что прогремѣвшій на весь міръ бывшій берлинскій студентъ жилъ скромно и мирно, гдѣ то на Borsigstrasse, и что они, полицейскіе, не прочитали своевременно въ его душѣ, съ какими планами и намѣреніями онъ уѣхалъ обратно въ Россію, въ Петербургъ.

Снова усиленный, какъ въ первую половину девятидесятыхъ годовъ, надзоръ за русскимъ студенчествомъ въ Берлинѣ не имѣлъ своимъ слѣдствіемъ, однако, возобновленіе выдачи еще только недавно отмѣненныхъ видовъ на право жительства, такъ какъ берлинскую полицію удалось, очевидно, наконецъ убѣдить въ полной ненужности и излишности этихъ видовъ на право жительства даже съ ея собственной административно-полицейской точки зрѣнія. Я хочу отмѣтить и особенно сильно подчеркнуть, что заслуга подобнаго внушенія берлинскому полицейскому правленію принадлежитъ

отнюдь не какому либо оффиціальному русскому учрежденію или отдѣльному лицу, имѣющему право подымать свой авторитетный голосъ въ зашиту русскихъ подданныхъ и ихъ интересовъ въ Германіи. Нѣтъ, объ этихъ видахъ на право жительства въ Берлинѣ только лишь писалось довольно много на столбцахъ русскихъ газетъ, и можно съ правомъ сказать, что крупнѣйшая доля заслуги въ данномъ случаѣ принадлежитъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, протестовавшимъ въ свое время въ энергичной формѣ противъ этой унизительной процедуры, существовавшей въ Берлинѣ. Унизительной же она была какъ потому, что ей не подвергались другіе иностранцы, проживающіе въ Берлинѣ, такъ и потому, что разрѣшеніе на право жительства, хотя и выдавалось на годовой срокъ, могло быть отнято полиціей въ любое время даже безъ объясненія причинъ. Когда же „С.-Петербургскія Вѣдомости“ указали на полное отсутствіе логики и здраваго смысла въ выдачѣ при подобныхъ условіяхъ письменныхъ разрѣшеній на право жительства, берлинскій полицейскій коммиссаръ, разыскавшій въ пишущемъ эти строки автора протеста, появившагося въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, сурово замѣтилъ мнѣ, что этотъ вопросъ такъ сказать стоитъ внѣ границъ моей критики. И вотъ спустя какой нибудь годъ эта безсмысленная процедура выдачи и полученія письменнаго права на жительство, благодаря которой русскій подданный являлся съ перваго момента вступленія на берлинскую территорію какимъ-то подозрительнымъ

индивидуумомъ, совершенно и будемъ надѣяться безвозвратно отмѣнена.

Я полагаю, что въ изложенномъ имѣется довольно много поучительнаго, ибо я глубоко убѣжденъ, что заслуга въ описанномъ случаѣ принадлежитъ исключительно русской печати, поднявшей достаточно сильный шумъ по поводу какъ бы внѣзаконнаго положенія русскихъ подданныхъ въ Берлинѣ, принадлежитъ и корреспондентамъ русскихъ газетъ, аппеллировавшимъ своевременно и съ должной настойчивостью къ общественному мнѣнію. Что эта аппелляція не прошла незамѣченной, какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны тѣхъ оффиціальныхъ учрежденій, которымъ сей вопросъ вѣдать надлежало, показываетъ то, что съ одной стороны протестъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ былъ подхваченъ всей русской прессой и изложенъ съ комментаріями и безъ таковыхъ въ руководящихъ нѣмецкихъ органахъ, а съ другой стороны вниманіе берлинскаго полицейскаго управленія на этотъ протестъ было обращено одновременно германскимъ посольствомъ въ Петербургѣ и русскимъ посольствомъ въ Берлинѣ.

Если-бы русскіе студенты, учащіеся заграницей, по вопросамъ, касающимся ихъ существеннѣйшихъ интересовъ, сумѣли столь же настойчиво и съ сознаніемъ собственнаго достоинства аппеллировать къ общественному мнѣнію, если бы они сумѣли дать энергичный отпоръ въ тотъ моментъ, когда подобный отпоръ необходимъ и тому именно противнику, которому долженъ быть данъ

отпоръ, если бы русское студенчество заграницей сумѣло, наконецъ, выйти изъ той бездѣятельной инертности, которая присуща ему, поскольку это касается его собственныхъ нуждъ и интересовъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что русскіе студенты завоевали бы себѣ, наконецъ, достойное положеніе передъ лицомъ академическихъ сферъ, высшей и низшей администраціи и общественнаго мнѣнія Западной Европы. Меня спросятъ прежде всего, что же необходимо для достиженія этого? Я отвѣчу: русскому студенчеству учащемуся заграницей необходима организація, и снова организація, и опять таки организація. Таковая необходима русскому студенчеству для того, чтобы оно представляло собою силу, способную оказывать вліяніе и давленіе, чтобы противнику была доказана сплоченность силъ, бывшихъ раньше разъединенными, чтобы съ необходимой яркостью выражена была общая солидарность русскаго студенчества, разбросаннаго по различнымъ центрамъ Западной Европы, чтобы наконецъ поддержанъ былъ должнымъ и необходимымъ авторитетомъ тотъ комитетъ, который долженъ будетъ дѣйствовать и представительствовать отъ имени организованнаго студенчества. Приводить для каждаго отдѣльнаго случая въ движеніе весь сложный аппаратъ общестуденческихъ собраній затруднительно, излишне и, какъ показала практика, неудобно еще и тѣмъ, что надлежащій моментъ упускается. Нѣтъ, цѣлый рядъ вопросовъ, въ особенности тактическаго характера, рѣшается гораздо лучше въ тиши засѣданій представительскаго

комитета, каковой и долженъ быть обязательно снабженъ настолько широкими полномочіями, чтобы онъ могъ вполнѣ свободно играть роль исполнительнаго и представительскаго органа, выступая на защиту русскаго студенчества и его интересовъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ академической и общей администраціей. Само собою разумѣется, этотъ исполнительный комитетъ долженъ включить въ сферу своей дѣятельности вопросы крупнаго и общестуденческаго характера, предоставивъ мѣстнымъ студенческимъ комитетамъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Бернѣ и всѣхъ прочихъ университетскихъ центрахъ вѣдать, защищать и отстаивать свои мѣстные интересы и нужды.

Меня спросятъ затѣмъ, какъ же создать эту общую организацію разсѣяннаго по Западной Европѣ студенчества? Я начну мой отвѣтъ съ полемическаго замѣчанія. Въ Берлинѣ, гдѣ дѣлаются въ настоящее время съ половиннымъ успѣхомъ попытки организовать мѣстныхъ русскихъ студентовъ и студентокъ, почему то сложилось фальшивое мнѣніе, что Берлинъ долженъ быть центромъ и ядромъ общестуденческой организаціи во всей Западной Европѣ. Необходимо-де подождать, пока берлинское студенчество образуетея и затѣмъ постепенно притянуть къ нему, какъ къ центру, всѣ остальныя русскія студенческія колоніи. Ошибочность этого плана, я думаю, очевидна. Раньше всего берлинская студенческая организація не можетъ быть и не будетъ настолко образцовой, чтобы побудить всѣ другія студенческія колоніи организоваться по этому

же модусу. Соприкосновеніе берлинскаго студенчества съ нѣкоторыми другими колоніями настолько незначительно, что въ тѣхъ колоніяхъ не будутъ даже знать, организовалось ли въ Берлинѣ студенчество, на какихъ основаніяхъ оно тамъ организовалось и насколько хорошо это сдѣлано. Въ другихъ же колоніяхъ, куда вѣсть о берлинской организаціи дойдетъ во всей ея полнотѣ, не будетъ, пожалуй, ни желанія, ни сильнаго побужденія организоваться. Чтобы пробудить это желаніе и чтобы указать и разъяснить, какъ необходимо было бы организоваться, берлинская организація должна была бы взять на себя трудъ созданія организаціи всѣхъ остальныхъ колоній. Само собою разумѣется, берлинское, хотя бы даже организованное студенчество не можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи столько средствъ, чтобы командировать цѣлый рядъ способныхъ и энергичныхъ лицъ изъ своей среды съ порученіемъ организовать всѣ западноевропейскія колоніи русскихъ студентовъ и студентокъ. И если бы даже имѣлась возможность найти одного достаточно энергичнаго, какъ и умѣлаго для проведенія намѣченной цѣли человѣка и дать ему необходимыя средства, чтобы онъ могъ посвятить все свое время и силы дѣлу организаціи, то на постепенное привлеченіе всѣхъ студенческихъ колоній въ Западной Европѣ: придется потратить по меньшей мѣрѣ годы. Мы же видѣли, что въ Берлинѣ на разговоры объ организаціи ушли годы, на созданіе же организаціи долгіе мѣсяцы. Поэтому я и считаю совершенно ошибочнымъ мнѣніе,

будто Берлинъ можетъ и долженъ быть ядромъ будущей студенческой организаціи. Нѣтъ, въ подобной общестуденческой организаціи Берлинъ можетъ быть только лишь отдѣльной единицей, какъ Парижъ, Брюссель, Женева, Вѣна и др. университетскіе центры, и никто не можетъ побудить другія студенческія колоніи, чтобы онѣ стояли въ малѣйшей, хотя бы даже и вполнѣ демократической зависимости отъ берлинской колоніи. Наоборотъ, въ подобномъ общестуденческомъ союзѣ всѣ отдѣльныя колоніи должны быть равноправными и равносильными единицами, ядромъ же или вѣрнѣе связующимъ звеномъ долженъ быть исполнительный и представительскій органъ, избраніе котораго и географическое положеніе должно зависѣть отъ желанія и рѣшенія всей общестуденческой организаціи.

Да, все это прекрасно, замѣтятъ мнѣ нѣкоторые нетерпѣливые читатели этихъ строкъ: — но гдѣ же епособъ созданія подобной общестуденческой организаціи? Я говорю, что есть весьма возможный и доступный способъ побудить всѣ русскія студенческія колоніи въ Западной Европѣ къ созданію мѣстныхъ студенческихъ организацій, есть способъ указать и разъяснить всѣмъ студенческихъ колоніямъ одновременно желательные образцы и формы мѣстныхъ организацій, есть способъ выработать и провести общими усиліями одну общую цѣльную и дѣльную программу для созданія мѣстныхъ организацій, есть, наконецъ, возможность, какъ говорится, однимъ ударомъ создать намѣченную общестуденческую

организацію! Этотъ способъ есть **Первый конгрессъ русской студенческой молодежи, учащейся заграницей.**

Мысль созвать конгрессъ русскаго студенчества, учащагося заграницей, не нова, хотя рѣчь шла всегда о съѣздѣ, какъ формѣ болѣе скромной. Насколько мнѣ извѣстно, уже нѣсколько разъ та иди другая колонія обращалась съ циркулярнымъ гектографированнымъ вопросомъ въ другія колоніи, не пожелаютъ ли онѣ принять участіе въ устройствѣ съѣзда русскихъ студентовъ и когда желательно было бы устроить таковой. Мнѣ неизвѣстно, какіе отвѣты поступали на эти запросы, но мнѣ хорошо извѣстно, что изъ всѣхъ этихъ попытокъ ровно ничего не вышло. Да и выйти не могло. Начать хотя бы съ того, что попавшійся мнѣ на глаза циркуляръ былъ написанъ длинно до утомительности, неумѣло до тошноты и настолько неразборчиво, что не было возможности понять всего какъ слѣдуетъ. Чрезвычайно характерными для русскихъ студентовъ являются и эти постоянно повторяющіеся въ циркулярахъ запросы, желателенъ ли съѣздъ и когда таковой долженъ былъ быть созванъ. Иниціаторы должны были бы настолько отнестись съ уваженіемъ къ русскому студенчеству, что могли бы и должны были-бы исходить изъ принципа: по вопросу о желательности съѣзда не можетъ быть двухъ различныхъ и разнородныхъ отвѣтовъ. Наоборотъ, по вопросу о времени каждая колонія дастъ несомнѣнно, не зная мнѣнія другихъ колоній, самый

разнообразный отвѣтъ: одни скажутъ лѣтомъ, другіе напишутъ осенью или зимой и т. д. И дѣйствительно, какъ мнѣ разсказывали, отвѣты поступали самые разнородные и было даже такъ, что когда кто-то предложилъ созвать съѣздъ въ ближайшемъ сентябрѣ, изъ другого мѣста сдѣлали запросъ: а почему не въ февралѣ? Я лично имѣлъ возможность наблюдать подобное же явленіе: когда я развилъ свою мысль о созывѣ конгресса представительской коммиссіи берлинскаго студенчества, коммиссія въ принципѣ одобрила эту мысль, но уже по вопросу о времени конгресса разошлась самымъ кореннымъ образомъ. Я говорилъ, что ходъ подготовительныхъ работъ заставляетъ созвать конгрессъ не раньше августа или сентября. Мнѣ же отвѣтили предложеніями созвать конгрессъ уже въ мартѣ (дѣло было въ январѣ), созвать конгрессъ черезъ годъ и наконецъ созвать конгрессъ, когда будетъ проведена организація всѣхъ студенческихъ колоній по образцу берлинской организаціи. Эти разнорѣчивыя предложенія лишній разъ убѣдили меня въ томъ мнѣніи, какое составилось у меня уже и раньше: тѣ, кто брали на себя иниціативу циркулярныхъ запросовъ должны были не спрашивать, желателенъ ли съѣздъ и когда бы онъ былъ желателенъ, но энергично и настойчиво объявить подобный съѣздъ желательнымъ и необходимымъ а также и назначить время его, хотя бы даже и въ приблизительной формѣ. Сдѣлать послѣднее можно было бы отъ имени той или другой колоніи, принявшей соотвѣтствующую резолюцію, отъ

имени того или другого студенческаго ферейна, въ средѣ котораго возникла мысль созвать студенческій съѣздъ или, наконецъ, отъ имени даже частной группы студентовъ, рѣшившей взять на себя иниціативу и поставить своей задачей осуществленіе мысли о студенческомъ съѣздѣ. Къ крайнему и прискорбному сожалѣнію лица, бравшія на себя иниціативу гектографированныхъ циркуляровъ, не имѣли достаточно широкаго размаха, чтобы сдѣлать хоть одинъ существенный шагъ дальше разсылки этихъ циркуляровъ, не имѣли достаточной энергіи, чтобы отъ словъ перейти къ дѣлу и взяться за осуществленіе мысли, пришедшей имъ въ голову, не имѣли достаточной настойчивости, чтобы преодолѣть даже такое крохотное и ничтожное препятствіе, какъ разнорѣчивые отвѣты, поступившіе изъ разныхъ студенческихъ колоній.

Да и наконецъ развѣ же не свидѣтельствуетъ объ отсутствіи надлежащей опытности и сколько нибудь широкаго размаха то обстоятельство, что эти гектографированные циркуляры разсылались какъ то втихомолку, безъ опредѣленной системы, въ руки отдѣльныхъ членовъ той или другой колоніи, каковые отдѣльные члены отъ своего имени или отъ имени собранныхъ ими ad hoc коммиссій давали какіе то отвѣты, а въ большинствѣ случаевъ навѣрно ихъ и не давали. Любопытно, что эта ограниченность масштаба имѣетъ мѣсто и въ Берлинѣ, гдѣ, какъ я уже сказалъ, дѣлается первый опытъ надлежащей организаціи русскаго студенчества. Издаются бюллетени, изъ которыхъ долженъ и могъ бы въ

будущемъ развиться студенческій органъ, но никто этихъ бюллетеней не видитъ, и посылаются они въ другіе центры не больше какъ въ частныя руки. Затѣмъ, если студентъ А. имѣлъ, скажемъ, гдѣ нибудь въ Цюрихѣ или въ Страссбургѣ знакомаго студента Б., онъ писалъ ему туда длинное письмо о началѣ берлинской организаціи, и на эти частныя письма возлагалась надежда, будто они дадутъ возможность установить связь съ другими студенческими колоніями и побудить послѣднія организоваться по берлинскому образцу. Право, у меня нѣтъ охоты разсказывать и доказывать, какъ все это ошибочно, неправильно и — да простятъ мнѣ это выраженіе всѣ студенты, кого оно можетъ задѣть! — мелководно. Да и кромѣ того именно въ данномъ случаѣ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ что либо основывать и воздвигать на отдѣльныхъ личностяхъ. Опытъ не только отдѣльныхъ лѣтъ, но и цѣлыхъ десятилѣтій воочію доказалъ, что составъ русскихъ студенческихъ колоній безпрерывно мѣняется. Окончившіе курсъ уѣзжаютъ изъ колоній навсегда, а студенты новички прибываютъ каждый семестръ; кромѣ того очень и очень большой процентъ, уѣзжая на родину, черезъ годъ или два болѣе уже не возвращается заграницу, чтобы продолжать и окончить курсъ, какъ равно и многіе мѣняютъ тотъ университетскій центръ, куда они пріѣхали сначала, на другой и даже на третій. Остаются въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ только лишь весьма немногіе, и опять таки опытъ показалъ, что

эти немногіе или пресытившись общественной жизнью русскихъ студенческихъ колоній, а то и стремясь къ болѣе обширной общественной дѣятельности, порываютъ связь съ студенческой колоніей или же, хотя остаются въ томъ же городѣ надолго и даже, пожалуй, связи съ колоніей не порываютъ, но уже больше не студенты и имѣютъ свой опредѣленный кругъ обязанностей и занятій. Итакъ резюмэ изъ всего сказаннаго слѣдующее: отдѣльные студенты пріѣзжаютъ или уѣзжаютъ, поддерживаютъ связь съ колоніею или исчезаютъ изъ нея, но студенческія колоніи всюду и вездѣ остаются. Вотъ почему общестуденческая организація должна обязательно быть построенной и базированной не на отдѣльныхъ личностяхъ, но на русскихъ студенческихъ колоніяхъ. Этотъ же принципъ долженъ быть обязательно и неукоснительно проведенъ при созывѣ и созданіи намѣченнаго мною конгресса. Призывъ долженъ быть обращенъ не въ отдѣльнымъ студентамъ, а къ колоніямъ и уже существующимъ кое-гдѣ организаціямъ. Въ конгрессѣ должны принимать участіе опять таки не только отдѣльныя личности, кому это заблагоразсудится и кто найдетъ это желательнымъ, но студенты, избранные и уполномоченные русскими колоніями и студенческими организаціями, къ которымъ они принадлежатъ. Я попытаюсь теперь нарисовать картину перваго конгресса русскихъ студентовъ и студентокъ, какъ она представляется мнѣ въ этотъ моментъ.

3.

Въ данный моментъ еще нельзя опредѣлить, будетъ ли конгрессъ открытъ однимъ изъ иниціаторовъ его или лицомъ, которому поручено будетъ отъ имени ли одной изъ заграничныхъ студенческихъ колоній или отъ имени частнаго предварительнаго совѣщанія довѣренныхъ лицъ названныхъ колоній руководить подготовительными работами по созыву и организаціи конгресса. Если конгрессъ будетъ созванъ отдѣльными лицами или по почину одной какой либо колоніи, то можно будетъ ограничиться небольшой привѣтственной рѣчью лица, открывающаго конгрессъ. Если же наоборотъ состоится намѣченное и подготовляемое предварительное частное совѣщаніе, оно будетъ имѣть своей задачей разработать программу подготовляемаго конгресса и въ этомъ случаѣ привѣтственная рѣчь будетъ носить характеръ программный. Наконецъ, допустима еще и такая возможность, что, по соглашенію участниковъ конгресса, на одной изъ предварительныхъ конференцій конгрессъ будетъ открытъ старѣйшимъ изъ присутствующихъ делегатовъ. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что все это однѣ внѣшности, но я долженъ замѣтить, что нашъ первый конгрессъ будетъ стоять подъ контролемъ какъ русскаго, такъ и европейскаго общественнаго мнѣнія и поэтому все у насъ должно идти какъ по стрункѣ.

Первымъ дѣломъ по открытіи конгресса надо будетъ, конечно, избрать президіумъ его, т. е. предсѣдателя,

двухъ замѣстителей его и трехъ секретарей съ тѣмъ, чтобы первые трое руководили преніями и занятіями конгресса, а остальные вели списокъ ораторовъ, принимали поступающія предложенія, вели протоколы засѣданій или же руководили составленіемъ ихъ. Чтобы ознакомить общественное мнѣніе съ преніями и рѣшеніями конгресса, желательно будетъ записать и впослѣдствіи издать стенографическій отчетъ, который сослужитъ, несомнѣнно, какъ нелицепріятный свидѣтель, превосходную службу на тотъ случай, если выступятъ въ той или иной формѣ недоброжелатели и хулители конгресса. Затѣмъ, по окончаніи выборовъ президіума немедленно должна быть избрана т. н. легитимаціонная коммиссія, на обязанности которой будетъ лежать просмотръ, въ свободный часъ и негласно, полномочій всѣхъ участниковъ съѣзда, какъ и равно представленіе отчета о результатѣ своихъ работъ конгрессу. По предложенію этой коммиссіи конгрессъ, всегда суверенный въ своихъ начинаніяхъ и постановленіяхъ, имѣетъ возможность и право признать, если будетъ такой случай или окажется необходимость, то или другое полномочіе недѣйствительнымъ.

Когда упомянутыя формальности будутъ исполнены, можно будетъ уже приступить и къ занятіямъ конгресса. Я полагаю, что вырабатывать какой либо особый порядокъ веденія дѣлъ и представлять его на обсужденіе и утвержденіе конгресса намъ незачѣмъ. Не говоря уже о томъ, что дебаты по этому вопросу могли бы отнять чрезвычайно много времени, мы имѣемъ возможность

взять образцомъ порядка веденія дѣлъ конгресса обычный и всѣмъ знакомый парламентскій кодексъ, и уже дѣло предсѣдателя будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы парламентскіе порядки никѣмъ и ничѣмъ не были нарушены, чтобы господствовала полная свобода слова, мнѣній и убѣжденій, чтобы меньшинство не было майоризовано. Принявъ подобный порядокъ веденія дѣлъ, конечно, на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ, можно будетъ приступить и къ чтенію докладовъ. Я намѣчаю ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Генеральный рефератъ о жизни, положеніи и нуждахъ русскаго студенчества заграницей.

2. Частичные рефераты о жизни, положеніи и нуждахъ русскихъ студентовъ и студентокъ: a) въ Германіи, b) во Франціи, c) въ Австро-Венгріи, d) въ Швейцаріи, e) въ Бельгіи и f) смотря по имѣющемуся матеріалу въ остальныхъ европейскихъ странахъ.

На этомъ, я думаю, можно и должно будетъ закончить первое засѣданіе перваго дня. Второе засѣданіе въ тотъ же день должно принести съ собою чтеніе обоснованнаго и разработаннаго проэкта организаціи русскаго студенчества заграницей, и я полагаю, что эта тема настолько существенна и значительна, что желательно было бы и даже необходимо поручить чтеніе одноименнаго корреферата еще одному докладчику. Дебаты по вопросу объ организаціи будутъ, несомнѣнно, длиться весь конецъ второго засѣданія въ первый день и все первое засѣданіе во второй день. Къ этому времени

т. е. къ концу третьяго по числу засѣданія, надо надѣяться, будутъ высказаны уже съ достаточной полнотой различныя точки зрѣнія, разнообразные взгдяы и мнѣнія, какъ равно будетъ сдѣланъ цѣлый рядъ различныхъ предложеній практическаго и теоретическаго характера, такъ что участники конгресса будутъ уже въ достаточной мѣрѣ освѣдомлены и оріентированы, чтобы имѣть возможность выбирать въ т. н. программную коммиссію тѣхъ делегатовъ чьи взгляды и мнѣнія по вопросу объ организаціи и осуществленіи ея соотвѣтствуютъ ихъ собственнымъ мнѣніямъ. Задачи этой коммиссіи будутъ состоять въ практической разработкѣ проэкта обще-студенческой организаціи и ея основной программы на основаніи матеріала, даннаго преніями конгресса. Если время позволитъ и результаты трудовъ конгресса и программной коммиссіи будутъ настолько благопріятны, то таже программная коммиссія представитъ, пожалуй, уже и статуты обще-студенческой организаціи. Когда будетъ работать эта коммиссія, зависитъ вполнѣ отъ нея, но и конгрессъ долженъ будетъ въ виду чрезвычайной важности работъ этой коммиссіи распредѣлить свое время такимъ образомъ, чтобы коммиссія могла безпрепятственно и свободно поработать и представить уже на слѣдующій день результаты своихъ трудовъ. Избраніемъ программной коммиссіи должно закончиться первое засѣданіе второго дня.

Второе послѣобѣденное или по числу четвертое засѣданіе конгресса должно быть посвящено нынѣшнему

студенческому движенію въ Россіи. И я думаю, что это движеніе, составляющее одинъ изъ наиболѣе жизненныхъ нервовъ современной Россіи, настолько важно и настолько имѣетъ право занять выдающееся мѣсто на конгрессѣ русскаго студенчества, учащагося заграницей, но не порвавшаго духовной связи съ родиной и со своими товарищами, борющимися за лучшее, свѣтлое будущее русскаго народа, что и по этому вопросу необходимо пригласить двухъ референтовъ, какъ равно и посвятить ему два полныхъ засѣланія. Само собою разумѣется, я не могу предсказать сущности предстоящихъ по этому вопросу сообщеній и преній, но мое мнѣніе и убѣжденіе таково, что пренія должны будутъ закончиться принятіемъ двухъ весьма существенныхъ резолюцій. Первая изъ нихъ должна будетъ кратко, но ясно и опредѣленно выразить отношеніе русскаго студенчества, учащагося заграницей, къ русскому студенчеству, учащемуся въ Россіи, и къ той борьбѣ, какую ведетъ оно тамъ, какъ спеціально академическаго, такъ и политическаго характера. Вторая же резолюція должна въ зависимости отъ первой дать извѣстныя полномочія исполнительному органу будущей обще-студенческой организаціи, ибо вопросъ объ установленіи связи съ русскимъ студенческимъ движеніемъ, о моральной и матеріальной поддержкѣ этого движенія есть въ весьма значительной степени вопросъ тактическій, вопросъ тактики и такта. Раскрыть же въ этомъ отношеніи свои карты значило бы выдать себя съ головой могучему и злому противнику. Я повторяю

изъ опасенія бытъ кѣмъ либо непонятымъ: доклады, фактическія сообщенія и пренія должны быть на конгрессѣ вполнѣ открытыми и публичными, ибо конгрессъ долженъ исходить изъ сознанія правоты своихъ убѣжденій и отстаиваемаго дѣла, какъ и изъ пониманія всего величія и значенія той борьбы, которую ведутъ товарищи-студенты въ Россіи. Резолюція, которая будетъ принята конгрессомъ, должна быть вполнѣ ясной, опредѣленной и лишенной какихъ бы то ни было недомолвокъ, чтобы она повѣдала всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы читать, о симпатіяхъ конгресса русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей, борющемуся русскому студенчеству и о готовности первыхъ не только поддерживать борющихся товарищей всѣми доступными и даже на первый взглядъ недоступными путями, мѣрами и способами, но и вести дальнѣйшую борьбу рука объ руку съ ними. Какія мѣры будутъ приняты для поддержанія товарищей, борющихся въ Россіи, какимъ путемъ будетъ установлена съ послѣдними прочная и постоянная связь, какого рода шаги и мѣропріятія будутъ сдѣланы раньше и позже, все это должно быть секретомъ и оставаться таковымъ, пока общій врагъ такъ силенъ и великъ. Исполнительный комитетъ будетъ сознавать всю великую отвѣтственность, лежащую на немъ въ этомъ отношеніи, и дѣйствовать сознательно, обдуманно и осторожно. Но и конгрессъ долженъ будетъ дать исполнительному комитету возможно широкія полномочія, дабы назван-

ный комитетъ могъ спокойно, сознательно и энергично работать.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ уже исчерпанной и всю первую половину третьяго дня занятій конгресса. Послѣобѣденное засѣданіе въ этотъ же день должно уже будетъ уйти на докладъ программной коммиссіи и легко возможныя пренія по поводу него. Надо надѣяться, что программа, выработанная коммиссіей, удовлетворитъ если уже не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ значительное большинство участниковъ конгресса, и тѣ изъ нихъ, которые будутъ имѣть полномочіе отъ колоніи или студенческой организаціи, снабдившей ихъ мандатомъ на конгрессъ, не замедлятъ вѣроятно заявить о своемъ желаніи и согласіи примкнуть къ обще-студенческой организаціи. Этимъ путемъ и будетъ создана тутъ же на мѣстѣ обще-студенческая организація, обще-студенческая потому, что тѣ участники конгресса, которые не будутъ имѣть полномочі заявить, что колонія или организація, пославшая ихъ на конгрессъ, согласна примкнуть къ организаціи, несомнѣнно по возвращеніи къ себѣ въ колонію прочтутъ соотвѣтствующіе доклады и постараются побудить тѣ организаціи и группы, къ которымъ они принадлежатъ, примкнуть къ обще-студенческой организаціи. Исполнительнымъ и представительскимъ органомъ послѣдней долженъ быть, упомянутый уже выше не разъ, исполнительный комитетъ, избраніемъ котораго и долженъ, по моему мнѣнію, закончиться конгрессъ. При этомъ, конечно, если бы пренія не улеглись въ

намѣченныя внѣшнія рамки, можно будетъ съ успѣхомъ назначить въ послѣдній день вечернее и даже ночное засѣданіе, какъ равно и назначать каждый день вечернія засѣданія, поскольку это не будетъ мѣшать работамъ избранныхъ коммиссій.

Я превосходно знаю, что мое вниманіе съ разныхъ сторонъ будетъ обращено на то, что цѣлый рядъ вопросовъ, волнующихъ русское студенчество какъ въ Россіи, такъ и заграницей, мною не включенъ въ программу конгресса. Напримѣръ, отношеніе въ господствующимъ въ Россіи порядкамъ и режиму, отношеніе къ старымъ и новѣйшимъ теченіямъ русской политической и общественной мысли, изданіе столь необходимаго студенческаго печатнаго органа, улучшеніе матеріальныхъ условій русскаго студенчества заграницей и т. д. и т. д. Да, всѣ эти вопросы чрезвычайно важны и существенны, но я полагаю, что для насъ можетъ весьма легко стать опаснымъ желаніе и стремленіе достигнуть одновременно и разомъ слишкомъ многаго. Не говоря уже о томъ, что конгрессъ, если онъ состоится, явится самъ по себѣ чрезвычайно крупнымъ общественнымъ фактомъ и остановитъ на себѣ вниманіе какъ русскаго общества, такъ и общественнаго мнѣнія заграницей, созданіе общестуденческой организаціи, созданіе ея исполнительнаго и представительскаго органа, принятіе единодушной резолюціи относительно студенческаго движенія въ Россіи и снабженіе исполнительнаго комитета необходимыми полномочіями для матеріальной и моральной

поддержки борющихся товарищей, — все это является достаточно крупными результатами, ради которыхъ стоитъ создать, созвать и провести конгрессъ. Я же и называю этотъ конгрессъ первымъ. Уже дѣломъ будущаго исполнительнаго комитета будетъ собрать весь необходимый теоретическій и фактическій матеріалъ по дальнѣйшимъ вопросамъ, наиболѣе интересующимъ и волнующимъ русское студенчество, чтобы черезъ годъ или два созвать новый второй по числу конгрессъ. Дѣломъ же участниковъ перваго конгресса будетъ позаботиться о томъ, чтобы въ ихъ колоніяхъ созданы были обязательно мѣстныя организаціи, какъ равно укрѣпить послѣднія и ихъ связь съ обще-студенческой организаціей настолько, чтобы на второмъ конгрессѣ можно было уже поставить и рѣшать даже такіе крупные вопросы, какъ, напримѣръ, объ отношеніи русскаго студенчества, учащагося заграницей, къ современной политической борьбѣ въ Россіи, о томъ, должно ли русское студенчество принять активное участіе въ этой борьбѣ или хранить свои силы до болѣе подходящаго момента, должно ли студенческое движеніе остаться въ строго академическихъ границахъ или, наоборотъ, сплотиться для общей политической борьбы со всѣми элементами, ведущими таковую въ Россіи, и т. п. Все это чрезвычайно крупные вопросы, требующіе не звонкой фразы и одного лишь теоретическаго словопренія, но серьезной подготовки и дѣла, дѣла и дѣла! Поэтому я и полагаю, что рѣшеніе вопросовъ, не включенныхъ мною въ рамки перваго конгресса, должно быть отложено

до того времени, пока созданная на конгрессѣ общестуденческая организація не установится и укрѣпится, пока русскимъ студенчествомъ, учащимся заграницей, не достигнута будетъ извѣстная мощь, пока конгрессъ не получитъ право говорить и рѣшать отъ имени всего объединеннаго и организованнаго студенчества, какъ равно и будетъ сознавать наличность въ средѣ организованнаго студенчества той политической дисциплины, которая даетъ возможность принимать серьезныя рѣшенія безъ опасенія, что рѣшенія эти останутся лишь написанными на бумагѣ и слово не претворится въ дѣло.

Поступило въ продажу:

марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы . 1.—

Знаменитый фельетонъ-памфлетъ, изъ за котораго газета „Россія“ закрыта навсегда, а Алекс. Амфитеатровъ (Old Gentleman) сосланъ на 12 лѣтъ въ Сибирь.

Горькій, М., Три разсказа (не пропущено русской цензурой) . . . . . 1.—

Голосъ изъ Русской арміи. Разоблаченія. . 2.—

Ждановъ, Сергѣй, Три мѣсяца въ „одиночкѣ“. 2.—

Сукенниковъ, М., Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . . . . 1.—

Спасовичъ, Вл. Семь судебныхъ рѣчей. . . 5.—

Содержаніе. I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

марокъ

Бильбасовъ, В. А. Исторія Екатерины Второй.
Томъ I . . . . . 10.—

— — Томъ II . . . . . 15.—

Изданіе, дополненное главами, не пропущенными русской цензурой

Въ этомъ сочиненіи встрѣчаются многочисленные документы и разныя сообщенія изъ тайныхъ государственныхъ архивовъ, почему и первое изданіе немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ было цензурой конфисковано и уничтожено. Этотъ трудъ крайне интересенъ для всякаго желающаго основательно ознакомиться съ исторіей Екатерины II. Изложеніе труда прямо прекрасно и такъ занимательно, что всякій прочтетъ названную работу съ величайшимъ удовольствіемъ. Сочиненіе Бильбасова составляетъ „событіе“ въ русской исторической литературѣ.

Флеровскій, Н. Н. Три политическія системы: Николай I., Александръ II. и Александръ III. 5.—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . . 10.—

Толстой, Л. Н., Война и разумъ . . . . . —.60

— — Крейцерова соната 1.50

— — Въ чемъ моя вѣра . . . . . 2.—

— — Исповѣдь . . . . . 1.—

Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“.

— — Воскресеніе. Романъ въ трехъ частяхъ 5.—

Въ настоящее изданіе вошло **все,** что русской цензурой не пропущено.

марокъ

Клейншмидтъ, Арт. Три столѣтія Русской исторіи. Россія со времени восшествія на престолъ Романовыхъ до настоящаго времени (1598—1898). Съ двумя генеалогическими таблицами, одной таблицей портретовъ и картой (ходъ развитія Россіи) . . . . . 9.—

Содержаніе: Предисловіе. — До Петра Великаго. — Петръ Великій. — Екатерина II. — Петръ II и Анна. — Два регентства въ теченіе одного года. — Послѣдніе Романовы. — Первый Готторпъ. — Екатерина II. — Павелъ. — Александръ I. — Николай I. — Александръ II. — Александръ III. — Николай II.

Нюгольмъ, К. В., Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ 2.50

— **Матеріалы по финляндскому вопросу.** Оффиціальные документы, реляціи, газетныя и журнальныя статьи и пр. 1.25

— **Мысли о современномъ положеніи Финляндіи** . . . . . —.80

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ.

Вып. I: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . . 1.—

Болѣзнь и смерть Александра III. Правдивыя замѣтки . . . . . 1.—

Сущность и значеніе **конституціи** графа **Лорисъ-Меликова** . . . . . 1.—

марокъ

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . . . . . 2.—

Томъ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . . . 2.—

Томъ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . 2.—

Томъ VIII. **Павелъ I.** Его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . . 2.—

Томъ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . . 2.—

Томъ XII. **Александръ III** . . . . . 2.—

Бебель, А. Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. . . . . 3.—

Въ этой книгѣ знаменитаго автора обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій значеніе для нормальнаго развитія соціальнаго положенія общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Печатано у Брейткопфа и Гертеля въ Лейпцигѣ.